

Министерство образования Российской Федерации
Поморский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Л.С. СКЕПНЕР

*СЛОВЕСНОЕ ИСКУССТВО
РУССКОГО СЕВЕРА
В ЛИТЕРАТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ
И РАЗВИТИИ ШКОЛЬНИКОВ*

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Монография

1345719

Архангельск

Поморский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
2002

«ЧИТАЕШЬ, И ТАКОЙ СВЕТ В ДУШУ ЛЬЕТСЯ...» (*Творчество Б.В. Шергина в школьном изучении*)

«Жизнь моя и дыхание принадлежат Северу».
Б. Шергин

Борис Викторович Шергин (16(28) июля 1893—31 октября 1973) — талантливый самобытный русский писатель, один из тех русских писателей XX века, которые не были оценены по достоинству при жизни. Открытие Б. Шергина для широкого круга читателей началось лишь в последние десятилетия.

«Держатели чудесного, певучего, до щегольства богатого северно-русского сказа» — так назвал Леонид Леонов Писахова и Шергина. О них часто говорят как бы в двойственном числе, соединяя их имена и творчество воедино. Они действительно были во многом близки — и лично, по-человечески (С.Г. Писахов был другом семьи Шергиных и очень нежно, трогательно относился к «Бореньке» — Борису Викторовичу), и по своим творческим позициям: оба творили на стыке фольклора и литературы, стремясь как бы соединить их на основе народной речевой стихии.

Но при всей близости каждый из них — художник неповторимый, уникальный.

Жанрово-стилевое, языковое, как и содержательное, различие творчества Писахова и Шергина в значительной степени связано, по-видимому, с тем, что в их основе несколько различающиеся пласти северной речи и фольклора. Если у Писахова это прежде всего речь северного крестьянина, поморские сказки, былички, небывальщины, скоморошины, то у Шергина — исконная речь поморов, поморские были и предания, морская народная литература: записные книжки поморов, лоции, пра́вильники (своды морских правил). Эти различия обусловлены уже биографически.

Борис Викторович Шергин родился в семье поморов. «Семья наша принадлежала к «морскому сословью», — писал он. — Отцы наши и деды занимались судостроением и мореходством. На Новой Земле добывали белого медведя, моржа, песца, на Мурмане — дорогую рыбу, в Белом море — тюленя» [20, 3]. Виктор Васильевич Шергин, отец писателя, механик по паровым машинам и корабельный мастер первой статьи, «берегам бывалец и морям проходец», как называл его Б. Шергин, был прекрасным рассказчиком. «Виденное и слышанное отец умел пересказать так, что оно на всегда оставалось в памяти у нас», — вспоминал Б. Шергин. Человек, влюбленный в море, охотнее всего Виктор Васильевич «про море пел и говорил» (Б. Шергин. Здесь и далее в кавычках приводятся отрывки из дневников, автобиографических заметок и произведений Б. Шергина).

«Отменной памятью, «морским знанием» и умением рассказывать отличались и друзья отца, архангельские моряки и судостроители. Все они были художники в душе и поэты».

Б. Шергин «в дни юности каждого годно ходил на парусном судне из Белого моря в море Мурманское.

В море и на берегу мы, молодые ребята, любили слушать рассказы бывальных стариков. Шкипер наш, дед Пафнутий (Пафнутий Осипович Анкудинов, друг и названный брат В.В. Шергина — один из тех, у кого будущий писатель, по его собственному признанию, учился сказывать старины. — Л. С.), знал на память и книжные сказанья и устные преданья».

«Былины, сказки, легенды постоянно можно было слушать и дома, в Архангельске, в долгие зимние вечера». Когда «отцова дружина» собиралась в доме Шергиных, здесь было празднично и весело. «Соберутся вместе, пригубят «чашу моря соловецкого», и тогда пойдут речи златоструйные, златословные, запоют песни — «ажно посуда в шкафу звенит». Многие рассказы отца и его друзей впоследствии отразились в произведениях писателя.

Мать будущего писателя Анна Ивановна родом была из семьи потомственных кораблестроителей, в мастерской у деда и отца ее шили паруса. Она знала и любила народные сказки и песни. «Маменька мастерица была сказывать, как жемчуг, слово у нее катилось из уст... Дома или на лодке куда одна поедет — все поет».

Даровитой сказительницей и песенницей была и Наталья Петровна Бугаева, крестьянка из деревни Заостровье, родственница и «домоуправительница» Шергиных, которая подолгу жила в их доме.

«Она умела заронить в душу любовь к прошлому... Рассказывала таинственные были о древних людях. Пела стихи, пела песни».

Летом Шергины обычно жили в поморских селах, где, как говорил писатель, «пышным цветом цвело устное сказывание». «Сколько сказок сказывалось, сколько былин пелось в старых северных домах! Бабки и дедки сыпали внукам старинное словесное золото».

Так что с детства, как говорится, с молоком матери Б. Шергин впитал «складное, красовитое слово» отцов и дедов, знал поморские песни и предания, былины и сказки. «В родной семье, в городе Архангельске я главным образом и наслушался и воспринял все свои новеллы, былины, песни, скоморошины. На всю жизнь запасся столь бесценным для писателя наследством», — писал позднее Шергин.

С.Г. Писахов вспоминал, что уже в отроческие годы речь Бориса Шергина была «с речью давней схожа».

Уже в ранней юности, в годы учебы в гимназии Шергин и сам стал прекрасным рассказчиком. Писатель И.Я. Бражнин, чье детство и юность прошли в Архангельске, рассказывал, как однажды он, тогда ученик реального училища, попал на вечер в гимназию и там увидел: в углу одной из комнат «сидел круглоголовый, румяный паренек и что-то рассказывал. Вокруг него сидели, придинувшись вплотную, человек двадцать и слушали, глядя ему в рот. Я вошел, чтобы послушать, о чем идет речь, — думал, побуду минутку-другую и, если скучно, уйду. Но я не ушел и побыл не минутку-другую, а застрял основательно и надолго».

Шергин говорил сказку о Кирике, сказку стародавнюю и печальную» [1, 189].

Вспоминая об отце, Шергин писал, что любовь к слову у него «сочеталась с любовью к художеству... Виктор Шергин мастерски изготавливал модели морских судов... Двери, ставни, столы в нашем доме расписаны его рукой». С детства страстно любил рисовать и Борис Шергин. «В родном городе, в музее, было множество изумительных моделей старинных церквей, домов, — вспоминал он. — Была нарядная утварь в виде зверей и птиц. И я, еще подростком, наглядевшись, налюбовавшись... охмелевший от виденных красот народного искусства, у себя дома резал, рисовал, раскрашивал, стараясь воспроизвести виденное в музее».

С юношеских лет Б. Шергин знал и любил древнерусскую литературу и искусство, читал и перечитывал «Соловецкий патерик», жития северно-русских святых, «Житие протопопа Аввакума», которое считал «удивительным, ярким проявлением русского духа».

«От юности моей увлекся я «святою стариной» родимого Севера. Любовь к родной старине, к быту, к стилю, к древнему искусству, к древней культуре — вот что меня захватывало всего и всецело увлекало», — вспоминал Б.В. Шергин. Именно страсть к народному самобытному искусству привела Шергина, по его собственному признанию, в 1913 г. в Москву, в Строгановское художественное училище.

Став московским студентом, он не забывает Севера, северного фольклора.

В 1915 г. в Москву приехала М.Д. Кривополенова. Борис Шергин был одним из тех, кто восторженно слушал ее былины, скоморошины, сказки. Он записывал их, выступая вместе с Марией Дмитриевной в Обществе любителей российской словесности. «Кривополенова, блестящая исполнительница былин, и сама по себе была каким-то чудом для всех, кто видел и слушал ее», — писал он позднее в очерке, ей посвященном.

В это время (по всей вероятности, осенью 1915 г. на творческом вечере М.Д. Кривополеновой) Б. Шергин познакомился с фольклристами братьями Б.М. и Ю.М. Соколовыми, которые помогли ему глубже осознать значимость северного фольклора и сыграли (особенно Юрий Матвеевич Соколов) немаловажную роль в становлении Б. Шергина как писателя-сказителя. Ю.М. Соколов говорил тогда в своей лекции, сопровождавшей концерт М.Д. Кривополеновой, в котором участвовал и Шергин: «Если под словом «народный певец» подразумевать «крестьянский певец», то я должен в таком случае разъяснить некоторое возникшее недоразумение. Борис Викторович Шергин — человек уже интеллигентного круга, учившийся в гимназии и занимающийся сейчас в Строгановском училище. Но если народное творчество понимать шире, если прежде всего принимать во внимание традицию, из которой певец почерпнул свой поэтический запас, то к Борису Викторовичу применимо звание народного певца» [6, 80].

Братья Соколовы записали от Шергина былины, исторические песни, духовные стихи на фоновалики и сделали их нотную расшифровку. (Они предполагали издать эти материалы, но, к сожалению, это намерение не осуществилось [6, 80]). И не случайно Ю.М. Соколов приглашает Шергина иллюстрировать пением былин лекции о народной словесности, которые Юрий Матвеевич читал в Московском городском народном университете. Это одно из свидетельств весьма авторитетной оценки сказительского искусства Б. Шергина.

Тогда же в газете «Архангельск» были напечатаны несколько очерков Шергина об архангельских сказителях былин.

Весной 1916 г. Б. Шергин с «открытым листом», полученным от Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук, иначе говоря, по заданию Отделения русского языка и словесности и Московской диалектологической комиссии, едет в Шенкурский уезд Архангельской губернии, где записывает говоры. А летом, во время каникул, он записывал говоры и фольклор в деревнях близ Архангельска.

Окончив в 1917 г. Строгановское художественно-промышленное училище, Шергин возвращается в Архангельск. Работает он в Архангельском обществе изучения Русского Севера, потом — в кустарно-художественных мастерских Архангельского губернского совнархоза, где на основе традиционных орнаментов холмогорской резьбы по кости создает новые образцы для мастеров-резчиков.

С 1922 г. Б. Шергин живет в Москве. Работает в Институте детского чтения до его закрытия в 1930 г.

В 1924 г. выходит его первая книжка — «У Архангельского города, у корабельного пристанища. Сборник старин». Вышла она в Москве, но посвящена, как это видно уже по названию, Северу, Поморью, как и последующие книги писателя — «Архангельские новеллы» (1936 г.), «У песенных рек» (1939 г.), «Поморщина-корабельщина» (1947 г.), «Поморские были и сказания» (1957 г.), «Океан — море русское» (1959 г.), «Запечатленная слава» (1967 г.), «Гости с Двины» (1970 г.), «Гандвик — студеное море» (1971 г.). (Подробнее об этих книгах см. в «Книге о Шергине» Е.Ш. Галимовой.)

На первый взгляд, исключением может показаться вторая книга писателя, вышедшая в 1930 г. — «Шиш московский», но это только на первый взгляд. На самом деле она тоже связана с Севером (о чем мы скажем дальше).

Север, Поморье — главная тема творчества Шергина, его любовь, которой он остался верным навсегда. «Жизнь моя и дыхание принадлежат Северу», — так написал он в своем дневнике.

Герои Шергина, поморы — олицетворение лучших черт русского национального характера. Они мужественны, отважны, не теряют духа даже в самых трудных обстоятельствах, даже перед смертельной опасностью, как не потеряли себя перед лицом неминуемой смерти братья Личутины («Для увеселенья»). Как не потеряли самообладания и благодаря этому сумели спастись Афанасий Тячин и трое его товарищей, оказавшись «среди смертей многих» в

море, когда волны опрокинули их карбас («Кроткая вода»). Они, поморы — герои Шергина, — великие труженики, мастера своего дела, будь то строительство судов, морской промысел или плотницкое ремесло. И писатель не просто показывает их мастерство — он восхищается, любуется их знанием, умением, искусством, показывает их повседневную работу как «вдохновляющие примеры труда, овеянного высокой поэзией» (А.К. Югов). Не случайно сообщает он нам, что «архангельские поморы науку мореплавания называли «морское знание», а судостроение обозначали словом «художество» («Запечатленная слава»). Этим словом Шергин обозначает, и не просто обозначает, а раскрывает как художество и труд других «прежде бывших мастеров» — «мужиков по званью, художников по призванью», таких, как корабельные плотники братья Иван и Ондреян Личутины, как «маляры-живописцы» Иона Неупокоев и Василий Вопиящин, соловецкий столяр и резчик по дереву Евграф, как корабельный мастер Конон Иванович Второушин. В рассказе «Рождение корабля», главный герой которого — Второушин, Шергин, говоря о нем, делает специальное примечание: «более известен он был под прозвищем Тектон, что значит Строитель». И это не случайно, как не случайно и название рассказа: именно «рождение», а не просто постройка или даже «строительство».

И сам писатель черпает вдохновение, любуясь работой «художественных мастеров». «Когда мой ум обленился, я иду глядеть художество прежде бывших мастеров. Любуюсь, удивляюсь: как они умели делать прочно, красовито...

Нагляжуясь, наберусь этого веселья — и к своей работе... Очень это прибыльно для дела — на чужой успех полюбоваться» («Евграф»).

Восхищенно пишет он и о «морском знании». Корабельные кормщики Иван Узкий и Пафнутий Анкудинов («Новоземельское знание»), как и Егор Васильевич («Егор увеселяется морем») и другие «государи-кормщики», владеют этим знанием превосходно.

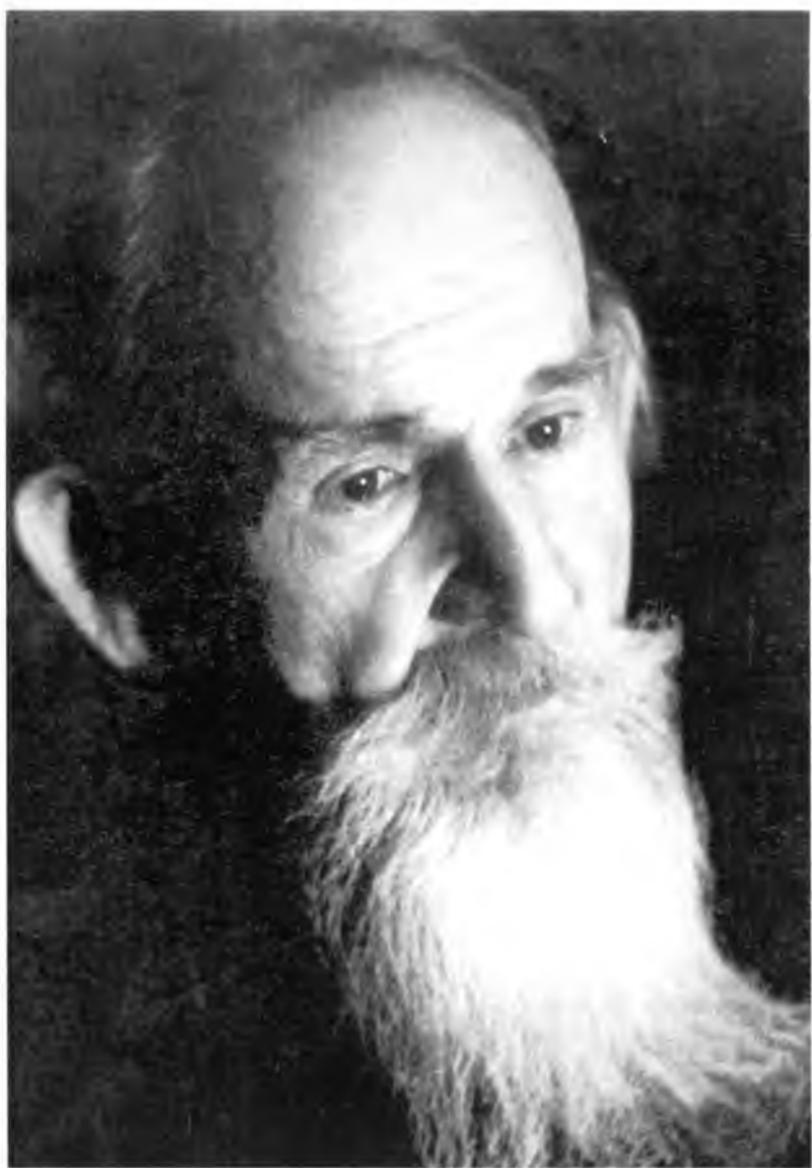
«Я знал Студеное море, как любой человек знает свой дом, — говорит Егор. — Ты идешь в темной комнате, знаешь, где скрипит половица, где порог, где косяк. Я судно в тумане веду. Не стукну о камень, не задену о коргу.

...Судовая команда звала меня по-старому «кормщик» и шутила:
— Наш кормщик со шхуной в рот зайдет да и повернется».

Когда лихая непогода разлучила лодьи Пафнутия Анкудинова и Ивана Узкого, шедшие вдоль берега Новой Земли, оба кормщика,

Снафіда и Василюй. Иллюстрация из книги Б. Шергина
«У Архангельского города, у корабельного пристанища». 1924 г.
Рисунок автора

Б.В. Шергин. *Фото* А. Афонина

несколько дней не имевшие никаких вестей друг о друге, смогли точно определить, когда и где их лодыи встретятся — определить «знанием ветра, знанием моря, знанием берегов». И, добавим, знанием друг друга и взаимопониманием.

Героям Шергина свойственно высоко развитое чувство собственного достоинства. Вспомним хотя бы, как Конон Иванович Второушин проучил обнаглевшего важного петербургского чиновника и компанию его подвыпивших приятелей («Рождение корабля»), вспомним, какой урок уважения к людям преподали царскому чиновнику Маркел Ушаков и лодемские крестьяне («Понятие об учтивости»). Их отличают надежность, порядочность, верность в дружбе и любви, душевная щедрость. Они всегда готовы прийти на помощь. Они по-настоящему красивы глубокой, никогда не выставляемой напоказ душевной красотой.

Несмотря на то, что в центре произведений Шергина, небольших по объему, чаще всего один эпизод, в котором и раскрываются образы главных героев, они, эти образы, масштабны, эпичны, вызывают уважение и восхищение, подчас ассоциируются с образами былинных героев и в то же время согреты теплым авторским лирическим чувством, а иногда — и мягким юмором.

Замечательные образы поморок в произведениях Шергина — образы героические и в то же время очень человечные, женственные — таковы, например, Авдотья Рязаночка («Об Авдотье Рязаночки»), Матрена («Матвеева радость»). Жизнь Матвея Корелянина, вынесшего столько тяжких испытаний, какие посыпала ему судьба, что простому смертному, кажется, это и не под силу, можно, наверное, в этом смысле назвать житием. И все испытания судьбы, все горе с ним самоотверженно переносила жена Матрена, «помощница неусыпающая, друг верный».

«Матрешке моей тяжело-то доставалось. Ухлопается, спину разогнуть не заможет, сунется на пол:

— Робята, походите у меня по спине-то...

Младший Ванюшка у ей по хребту босыми ногами и пройдет, а старшие боятся:

— Мама, мы тебя сломаем...

Тяжелую работу работаем, дак позвонки-то с места сходят. Надо их пригнать.

Матрена смолоду плотная была, налитая, теперь выпала вся. Мне ее тошнехонько жалко.

— Матрешишко, ты умри лучше!

— Что ты, Матвей! Я тебе еще рубаху стирать буду!..
Пятнадцать годов эдак. Всю жизнь так!...»

И, думаю, вполне можно согласиться с А.А. Гореловым, поставившим образ Матрены из «Матвеевой радости» Шергина рядом с образом Анастасии Марковны в «Житии Аввакума» [4, 181].

Восхищенно, любовно и лирически тепло рисует Б. Шергин и родную северную природу, которая ему дорога, мила, «любая». Именно рисует. Его описания природы — это чаще всего не яркие мажорные многоцветные живописные полотна, это скорее тонкий, чаще — минорный лирический рисунок, проникнутый внутренним светом, ассоциирующийся, может быть, с картинами Нестерова.

Одна из замечательных черт Б. Шергина — глубокое ощущение органической связи прошлого и настоящего. Для него нет не только пропасти между прошлым и настоящим, но и жесткой границы между ними: настоящее уходит своими корнями, истоками в прошлое, и прошлое живет в дне сегодняшнем — обычаями, традициями, речью, живет в наших характерах. «Обращая мысленный взор в прошлое, ...я люблю соглядать там «жизнь живую», то, что не умрет. К такому «прошлому», вечно живому, я люблю приникать, думая о своей родине», — говорил он [13, 444]. И еще: «Физическому зрению все примелькалось, а душевые очи видят светлость Руси. И уже нет для меня прошлого и настоящего». (Цит. по статье Ю.М. Шульмана [22, 478, 479].) Картины прошлого для него живые, Шергин видит их мысленным взором и слышит внутренним слухом и рисует так ярко, образно, что и для нас, читателей, они становятся зримыми и слышимыми.

Шергин — «писатель-сказитель» (Э.В. Померанцева), писатель, который сознательно стремился соединить фольклор с литературой, «вокнижить» фольклор, закрепить в литературе народную поморскую речь — «чтобы наши сказанья вошли в писанья», стремился сделать фольклорные произведения близкими и интересными современному читателю. Но произведения Шергина, даже те, в основе которых фольклорные сюжеты, — это чаще всего не просто записи или обработка былин, сказаний, легенд, народных сказок, а, как и сказки Писахова, произведения литературные, авторские. Это убедительно показала С.М. Лойтер сопоставительным анализом некоторых произведений Шергина («О Сухмане Непровиче», «Об Авдотье Рязаночке», «Вавило и скоморохи», «Дивный гудочек» и др.) и их фольклорных «прототипов». Творческого переосмыслиния фольклорных сюжетов, как это показала С.М. Лойтер, Шергин

достигает различными способами: соединением фольклорного сюжета с многоплановым, свойственным художественной литературе раскрытием характера героя (точнее, героини) в «Об Авдотье Рязаночке», с помощью обращения к мифу в «Сухмане Непровиче» и т. д. [10, 118—121].

Сказительство и писательство соединялись у Шергина в самом процессе творчества. О.Э. Озаровская, записавшая от Шергина ряд произведений, которые включила в сборник «Пятиречье», писала, что «в Шергине ярко выступает свойственный северянам дар импровизации. Характернейшая же его черта: ему нужно много раз рассказать на людях, чтобы с напряжением он смог закрепить это самое на бумаге» [12, 414]. И сам Шергин это подтверждает: «Прежде чем закрепить на бумаге тот или иной рассказ, я примеряю его к живой аудитории: рассказываю в школе, в клубе» [20, 3].

Как вспоминал писатель Ю. Коваль, который был знаком с Шергина, тот, по его собственным словам, «укатывал», «улаживал» свои рассказы на публике [7, 162]. Сказывание было для Шергина не простым исполнением готовых произведений, а творчеством.

Но и после того, как произведение было напечатано, он продолжал совершенствовать его. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить варианты текста таких его произведений, как, например, сказка «Рифмы» («Шиш складывает рифмы»), в разных сборниках. Особенно тщательно «шлифовал» он тексты, когда готовил издания для детей.

Наиболее ярко авторское начало проявляется, пожалуй, в сказках Шергина.

«Сказки Шергина, — справедливо замечает Е.Ш. Галимова, — восходят к фольклорным источникам и в то же время подчинены законам построения литературного произведения» [2, 94].

Первая книга сказок Шергина «Шиш московский» — «скоморохья эпопея о проказах над богатыми и сильными», по определению самого писателя, создана на основе множества фольклорных сюжетов. «Своеобразная сказочная «эпопея» о Шише начала складываться еще в годы Ивана Грозного, когда шишами называли белых холопов. Некогда распространенный повсюду сказочный эпос о Шише в наиболее цельном виде сохранился лишь на Севере. Шергин собрал по берегам Белого моря более ста сказок о Шише» [22, 483]. Отбирая, развивая, соединяя, выстраивая фольклорные сюжеты, Шергин создал свой цикл сказок про Шиша, который был «по существу его первым авторским произведением» [4, 172].

По существу авторскими были и другие его сказки, созданные на основе фольклорных сюжетов, в том числе замечательная по емкости, выразительности «Судное дело Ерша с Лещом» (прекрасный анализ ее см. в «Книге о Шергине» Е.Ш. Галимовой [2, 95—98]).

«Сокровищница русского слова» — так вполне обоснованно сказал о произведениях Шергина знаток и ценитель русского языка писатель Алексей Югов. Лексическое богатство, точность, меткость, выразительность, афористичность, ритмико-интонационное своеобразие — таковы некоторые из характерных особенностей языка произведений Б. Шергина.

В основе творчества Шергина как художника слова — народная северная, поморская речь, колоритный «архангельский» язык — «кристально чистый, искони русский язык, богатейший по своей изобразительной силе» (А. Югов). Ориентированность творчества Шергина на устную речь, стремление выполнить завет земляков-поморов — «чтобы наше сказанье вошло в писанья» — наверное, прежде всего отсюда эта свежесть, «незатертость», колоритность его языка.

Шергин смело включает в тексты своих произведений пословицы и поговорки («годы молоды, а руки золоты», «ах, да руками мах, а на том не переедешь» и др.), диалектизмы, профессиональную лексику. И это естественно в контексте его произведений, созданных в сказовой манере, одна из характерных особенностей которой именно у Шергина, как справедливо отметила Е.Ш. Галимова, в «разнообразии рассказчиков, от лица которых «говорит» писатель» [2, 122]. Естественно, что мастер своего дела находит, говоря о нем, наиболее точные слова (например: Василий Вопияшин говорит, что он лубочные картины «цветил ягодным соком»; «тьмо-лимонный» — так называет колер мастер в «Лебяжьей реке»).

Но для Шергина важно не воспроизвести, не скопировать бездумно разговорную речь, а дать ее в лучших проявлениях. «...есть поэтическая образность, способность претворять, способность из этой разговорной воды... показать сверкающий ключ, не поить водой непоясненной и мутной, не подавать ее на стол... а дать глоток вина чистого, нектара», — писал он.

Одна из языковых и стилевых особенностей творчества Шергина состоит в том, что народная речь органично сочетается с элементами языка и стиля, характерными для древней книжной традиции, традиции древнерусской литературы, которая с отроческих лет стала для него не менее близкой, чем народная поморская

речь, — лексикой, грамматическими формами (как, например, звательный падеж, многократно встречающийся у Шергина), речевыми оборотами («Народ в долони плещут, да волиуют», — говорит Матвей Корелянин («Матвеева радость»).

Все это помогает Шергину «в немногие словеса вложить мног разум».

«О рассказах Бориса Шергина давно уже тоскует хрестоматия русской художественной литературы! Взять хотя бы такие вещи, как «Рождение корабля», «Для увеселенья», «Двинская земля», «Поклон сына отцу», «Евграф», «Слово о Ломоносове», «Долг». Сколь велики и воспитывающие достоинства этих вещей!...», — писал А. Югов еще несколько десятилетий назад [23, 167]. И еще: «Думается мне, придет час — и о нем, о самом, будут писаться книги!» [23, 157]. Этот час пришел: о Шергине написаны книги. Их авторы — Ю.Ф. Галкин, Е.Ш. Галимова [3; 2].

В некоторых современных школьных программах и, соответственно, хрестоматиях мы находим произведения Шергина: рассказ «Собирай по ягодке — наберешь кузовок» рекомендует для чтения в 3-м классе программа В.Г. Горецкого, Л.Ф. Климовой, М.И. Головановой; сказку «Рифмы» — программа под редакцией Т.Ф. Курдюмовой (5-й класс), «Шиш показывает барину нужду» (также в 5-м классе) — программа под редакцией М.Б. Ладыгина. Но знакомство только с одним произведением Шергина еще не дает юным читателям возможности войти в своеобразный художественный мир писателя. Поэтому целесообразнее, нам кажется, более широкая формулировка, которую предлагает программа под редакцией А.Г. Кутузова: «Б.В. Шергин. Сказки».

Первое знакомство с Шергиным и его творчеством возможно и, как убедительно свидетельствует опыт ряда учителей, в первую очередь М.В. Попыриной (13-я северодвинская средняя школа), целесообразно уже в начальной школе.

Как уже говорилось, в связи с изучением пословиц мы читаем «Пословицы в рассказах» Шергина, и дети создают свои «рассказы по пословицам» по образцу прочитанного.

Автобиографические рассказы Шергина «Детство в Архангельске», «Миша Ласкин» по-своему интересны читателям любого возраста. Их с удовольствием читают (и слушают в чтении учителя) уже ученики 2—3-го классов. Эти рассказы дают детям не только новое представление об авторе рассказа, но и наглядные, образные примеры добрых человеческих отношений, взаимопонимания, вза-

имного уважения взрослых и детей, любви, согласия, «дружбы без хитрости». Они написаны удивительно чистым, по-настоящему русским языком.

На уроках, посвященных этим рассказам, может быть использован (с некоторой коррекцией, необходимой с учетом разницы в возрасте) опыт проведения прекрасного урока Н.Л. Крупиной о Шергине в 5-м классе, апеллирующего к мысли и чувствам учеников, доброго, поучительного [8, 38—43].

Ученики младших классов с живым интересом читают и сказки Шергина «Пойга и лиса», «Умная Дуня» и некоторые другие. «Рифмы» с удовольствием читают по ролям и, прочитав, весело и азартно продолжают начатую персонажами сказки игру в рифмы, которая помогает постигнуть суть рифмы, освоить это понятие. Вот, например, некоторые рифмы учеников Долматовской средней школы Вельского района:

Если ты Семен,
Не считай ворон.
Ворон просчитаешь —
Всюду опоздаешь.

Если ты Тимошка,
Неси свою гармошку,
На гармошке поиграй,
Всех порадуй. Ну, давай!

В 5-м классе, в связи с изучением русских народных и литературных сказок, мы вновь обращаемся к сказкам Шергина (а в тех классах, которые раньше не знакомились с ними, организуем знакомство с писателем и его сказками). Круг сказок, которые читают и анализируют пятиклассники, расширяется. Это могут быть несколько новых для ребят сказок про Шиша, например: «Наш пострел везде поспел», «Шиш показывает барину нужду», «Шиш и трактирщица». Знакомство с несколькими сказками цикла «Шиш московский» дает возможность говорить о главном персонаже этого цикла. Пятиклассники делятся впечатлениями о прочитанных сказках, о том, как изображен в них Шиша. Обращаем внимание на портрет Шиша: «на лбу хохол рыжий, глаза, как у кошки. Один глаз голубой, другой как смородина. Нос кверху». Предлагаем ученикам вспомнить, встречали ли они сколько-нибудь подробные описания внешности героев в народных сказках (выясняется, что не встречали), высказать свое мнение о том, зачем Шергин рисует портрет Шиша.

— Чтобы мы поняли: он не такой, как все, у него «один глаз голубой, другой как смородина», — говорят пятиклассники.

— Шиши озорной, непослушный («на лбу хохол рыжий, глаза как у кошки»). Он неуправляемый («как саврас без узды»).

Продолжая характеризовать Шиша, они говорят, что он любит пошутить, посмеяться, похулиганить, «он смеется над барином, над жадной трактирщицей». А вспоминая сказку «Рифмы», говорят, что он не хотел мужика на телеге обидеть, он хотел просто поиграть, он не любит молчать, Шиши «только тогда молчит, когда спит».

Обобщая ответы учеников, приводим и комментируем слова Шергина о цикле сказок «Шиши московский» — «скоморошья эпопея о проказах над богатыми и сильными».

Возвращаясь к «Рифмам», знакомим с вариантами этой сказки Шергина. Предлагаем сравнить рифмы Шиша в разных вариантах.

Сравним два момента.

В одном варианте («Шиши сказывает рифмы») выясняется, что дядюшку мужика, который везет Шиша на телеге, звали Иван. Шиши говорит:

Твой Иван
Был большой болван.

В другом («Рифмы») Иваном звали не дядюшку, а деда. Шиши говорит:

Твой дедушка Иван
Посадил кошку в карман.
Кошка плачет и рыдает,
Твово дедушку ругает.

Предлагаем пятиклассникам выбрать лучший, с их точки зрения, вариант. Выбирают второй, мотивируют свой выбор.

И еще момент — это уже мужик говорит в рифму. Он спрашивает имя Шиша. В первом варианте Шиши отвечает:

— Леонтий.
— А Леонтий, так иди пешком!
— Дяденька, это не рифма...
— Хоть не рихма, да слезай с коня!

В варианте, который мы читали («Рифмы»), последняя рифма:

Если ты Силантий,
То с моей лошади слезантий!

Сравниваем два варианта этой части сказки. Дети дружно решают, что *второй* («Рифмы») лучше, потому что, во-первых, «Леонтий...» — там вовсе нет рифмы», а во-вторых (это, по мнению пятиклассников, главное), во втором варианте больше рифм:

Если ты Федя,
То поймай в лесу медведя,
На медведе поезжай,
А с моей лошади слезай!

Если ты Степан,
Садись на аэроплан,
На аэроплане и летай,
А с моей лошади слезай!

(В первом варианте нет ни Феди, ни Степана.)

Второй вариант, считают дети, более интересный, смешной.

Такого рода работа позволяет показать, как Шергин совершенствовал свою сказку и после того, как она была напечатана, то есть ввести учащихся в творческую лабораторию писателя.

Возможен анализ сказки Шергина «Судное дело Ерша с лещом» в сопоставлении с фольклорными ее вариантами (см.: [11, №№ 78—80; 9, №№ 6, б-а]). Этую сказку Шергин создавал на основе известного фольклорного сюжета, используя метод «реставрации» (Е.Ш. Галимова), как бы соединяя разные варианты, выбирая из них наиболее динамичные, выразительные куски, которые он обрабатывал, совершенствовал [2, 95—98].

Такой сопоставительный анализ помогает учащимся увидеть как близость сказки Шергина и народной сатирической сказки и в то же время их различие, так и то, как писатель работал с фольклорными текстами, создавая на их основе свою — литературную сказку.

В дальнейшем, в связи с изучением былин (в 6-м классе), раскрываем талант Шергина как продолжателя былинной традиции, «держателя чудесного, певучего, до щегольства богатого севернорусского сказа» (Л. Леонов), «писателя-сказителя» (Э. Померанцева). Вспоминая вместе с учащимися биографию писателя, высвечиваем тот материал, который дает возможность понять истоки его творчества, факторы, под влиянием которых оно рождалось и развивалось. Это прежде всего народная поморская речь, поморский фольклор, «стихийная народная литература поморов» (записные книжки, лоции, пра́вильники и т. д.), древняя русская книжность,

художественная культура Русского Севера. Вспоминаем об отце писателя и «отцовой дружине» — поморах — друзьях Виктора Васильевича Шергина, о сказителе Пафнутии Осиповиче Анкудинове, о том, с каким интересом Борис Шергин изучал поморские лоции, записные книжки поморов, переписывал старинные рукописные книги и т. д. Вспоминаем и о встрече Б. Шергина с М.Д. Кривополеновой, которая сыграла важную роль в его творческой жизни.

Чтобы помочь учащимся понять особое место Шергина в литературе — на стыке фольклорных и литературных традиций, рассказываем о том, как он работал — идя от многократного устного сказывания к письменному тексту создаваемого произведения.

После такого рода вводного занятия обращаемся к произведениям Шергина.

В классе к уроку организована выставка книг Б. Шергина. Предлагаем ребятам вслух прочесть названия его книг, которые они принесли на урок: «Поморские были и сказания», «У Архангельского города», «Гости с Двины», «Гандвик — студеное море» и т. д. Уже этот перечень названий (в случае необходимости дополняемый учителем) помогает увидеть, что, живя в Москве, Шергин пишет о Севере, «Поморщине-корабельщике».

Затем предлагаем ученикам открыть книги на тех страницах, где напечатано их содержание, и прочесть названия разделов. Среди названий — «Поморские сказки», «Поморские старины», «Дедовы сказания», «Были» и т. д. — названия, характерные для фольклорных сборников. Так, не затрачивая на это много времени, сразу обращаем внимание на жанровое своеобразие творчества Шергина.

В «образцовом» выразительном чтении учителя, которое предваряет представление произведений учащимся и служит своеобразным камертоном, помогая ученикам настроиться на нужный тон чтения и пересказа, звучат одно-два произведения — это могут быть «Двинская земля» (фрагменты), «Евграф», «Для увеселенья».

Домашним заданием к этому уроку было: прочитать два-три произведения из числа рекомендованных учителем (мы рекомендовали: «Двинская земля», «Мурманские зуйки», «Для увеселенья», «Об Авдотье Рязаночки», «В относе морском», «Новоземельское знание», «Матвеева радость», «Рождение корабля» и другие произведения, упоминавшиеся выше) и подготовить близкий к тексту пересказ одного из них (по выбору ученика). Пересказать нужно

так, чтобы те, кто не читал произведения, могли составить представление не только о событиях, в нем изображенных, но и о том, как оно написано. Близкий к тексту пересказ с сохранением особенностей языка и стиля автора на этом этапе урока (или двух уроков) является основным приемом, поскольку соответствует сказовой природе творчества Шергина, дает возможность и, более того, — ставит учеников перед необходимостью внимательно вчитаться в текст произведений, почувствовать стилевое и языковое их своеобразие и таким образом способствует и речевому развитию учащихся. На уроке они представляют одноклассникам наиболее понравившиеся произведения, включая в свой пересказ выразительное чтение небольших фрагментов художественного текста, стараются мотивировать свой выбор, что побуждает юных читателей к самостоятельной оценке произведения.

Выбирая произведения, которые в первую очередь должны быть представлены на уроках, мы старались сделать это таким образом, чтобы ученики получили представление об основных темах творчества Шергина и его героях. Здесь же, по предложению учителя, ученики делают первые выводы о героях произведения, о том, какие качества им свойственны. Это помогает привлечь внимание к образам поморов — героев Шергина, понять, какими видят и показывает их писатель, и в конце урока сделать итоговое обобщение. В случае необходимости помогаем ученикам, ведя их от эпизодов, где эти качества проявляются, к их осознанию и оценке.

Одно из произведений Шергина дома, готовясь к этому уроку, читают все ученики с тем, чтобы на уроке провести его краткий анализ-беседу. Это может быть, например, рассказ «Рождение корабля». Основные вопросы ученикам для обдумывания: почему рассказ называется так — «Рождение корабля»? Как в рассказе раскрывается это название? Как раскрывается образ главного героя?

Если в 5-м классе мы ставили целью показать, как Шергин стремился сделать близким, интересным для современного читателя сказочный фольклор, то теперь естественно показать работу Шергина с текстами северных былин. Это можно сделать на примере былины Шергина «Об Авдотье Рязаночке», проведя сопоставительный анализ ее и одного из фольклорных вариантов текста былины, записанного А.Ф. Гильфердингом, или исторической песни об Авдотье-рязаночке, записанной П.Н. Рыбниковым. Предлагаем учащимся сравнить один из этих текстов (или оба) с текстом Шергина,

проводя сопоставительный анализ его и одной из записей фольклорного текста. Задание учащимся (оно может быть групповым или индивидуальным): сравнить текст Шергина и один из фольклорных текстов, обратив при этом внимание на вопросы: в чем их сходство, близость, в чем различие? Какие моменты, образы, картины вносит в былину Шергин? Ученики замечают близость, общность сюжета в фольклорном и шергинском текстах, замечают, что Шергин вводит в былину некоторые моменты, которых нет в фольклорных вариантах, например, картины, показывающие Авдотью в семье, прощание ее с сыном и др. Помогаем им заметить, что в ряде моментов, там, где фольклорный текст о чем-то упоминает, сообщает или рассказывает, Шергин показывает это. Так, например, он дает художественное описание стана Батыя и самого Батыя, показывает встречу Авдотьи с ее близкими в стане врага, ее переживания в тот момент, когда ей приходится выбирать и решать, кто из них останется в живых. И чувства, переживания Авдотьи открываются нам, она становится нам ближе, мы переживаем вместе с нею. Обращаем внимание и на то, что Шергин вводит в былину картины природы, которые помогают нам понять душевное состояние героини.

Шергин не просто рассказывает о подвиге Авдотьи — он раскрывает ее переживания; он показывает не только героизм Авдотьи, но показывает ее и труженицей, и нежной заботливой матерью.

Эти наблюдения учащихся, сопоставляющих под руководством и с помощью учителя фольклорные и шергинские тексты, позволяют сделать вывод, что образ Авдотьи Рязаночки у Шергина становится более многогранным, человечным, художественно убедительным.

При изучении темы «М.В. Ломоносов» в 10-м (9-м) классе рекомендуем для самостоятельного чтения «Слово о Ломоносове» Б.В. Шергина. Возвращение к творчеству Шергина в выпускном классе возможно и на занятиях факультатива по русской литературе XX в., а также в рамках регионального компонента учебного плана. Здесь в центре внимания более широкие и сложные проблемы, чем то было в средних классах: Б.В. Шергин — личность и творчество (по материалам дневников и произведений писателя); творчество Шергина и фольклор; художественное своеобразие творчества Шергина; Шергин и Писахов и др.

Трудной, полной горестей и невзгод была жизнь Б.В. Шергина. В молодости он лишился ноги и пальцев на другой; очень рано, в зрелые годы, но задолго до старости, начал терять зрение и постепенно совсем ослеп; долго жил в страшной нужде, голодал, особенно в военные и послевоенные годы. Его книги не печатались годами, и это было, наверное, самым тяжелым для него, писателя. Как, впрочем, и то разрушение веры, нравственных устоев и «благочестной» жизни, о котором он с глубокой душевной болью писал в своем дневнике. Но несмотря ни на что, сумел сохранить «веселье сердечное», светлое мироощущение, которое считал необходимым человеку. «...у человека должно быть сокровище внутри себя, должна быть внутренняя сила, собственное богатство, — писал он. — Человек должен светить из себя». И этот внутренний свет, свечение ощущается во всем его творчестве. Не случайно сказал о нем Ф. Абрамов: «Читаешь, и такой свет в душу льется...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бражнин И.Я.* Недавние были. Архангельск, 1972.
2. *Галимова Е.Ш.* Книга о Шергине. Архангельск, 1988.
3. *Галкин Ю.Ф.* Борис Шергин: Золотая цепь. М., 1982.
4. *Горелов А.А.* «Ему не будет перемены» // Горелов А.А. Соединяя времена. М., 1978. С. 161—190.
5. *Дюжев Ю.И.* Хранитель народной памяти // Север. 1999. № 3. С. 142—158.
6. *Иванова Т.Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993.
7. *Коваль Ю.* Веселье сердечное // Новый мир. 1988. № 1. С. 152—172.
8. *Крутина Н.Л.* Б.В. Шергин. Обыкновенное чудо // Литература в школе. 2000. № 7. С. 38—43.
9. Литературный Север: Книга для учащихся 5—8 классов / Сост. Л.С. Скепнер. Архангельск, 1995.
10. *Лойтер С.М.* Отцово знание // Север. 1980. № 10. С. 115—121.
11. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3-х томах. М., 1985.
12. *Озаровская О.Э.* Пятиречие. Л., 1931.
13. *Пантелеева Л.Т.* Очерк Б.В. Шергина «День зуйка». 6 класс // Литература в школе. 1996. № 2. С. 100—102.
14. *Померанцева Э.В.* Писатель-сказитель // Померанцева Э.В. Писатели и сказочники. Л., 1988. С. 103—111.
15. *Шергин Б.В.* Запечатленная слава: Поморские были и сказания. М., 1967.

16. Шергин Б.В. Поморские были и сказания. М., 1971.
17. Шергин Б.В. Повести и рассказы / Сост. и автор послесловия Ю.М. Шульман. Л., 1984.
18. Шергин Б.В. Древние памяти: Поморские были и сказания / Сост. и научн. подготовка текстов Л.Ю. Шульман. М., 1989.
19. Шергин Б.В. Изящные мастера: Поморские были и сказания / Сост., предисл. Ю.Ф. Галкина. М., 1990.
20. Шергин Б.В. У Белого моря // Нева. 1958. № 8. С. 3—4.
21. Шергин Б.В. Из дневников / Публикация Л.Ю. Шульман // Новый мир. 1988. № 1. С. 134—151.
22. Шульман Ю.М. «Мое упование в красоте Руси»: Б.В. Шергин (1893—1973) // Борис Шергин. Повести и рассказы. Л., 1984. С. 477—491.
23. Югов А.К. Думы о русском слове. Изд. 2-е. М., 1975.